

История ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

М. А. Полякова

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ И РЕФОРМАЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИДЕАЛА ЧЕЛИО СЕКОНДО КУРИОНЕ

УДК 37.017
ББК 74.03(3)

Статья посвящена анализу педагогических взглядов итальянского мыслителя Челио Секондо Курионе, сочетавших в себе черты общеевропейского гуманизма и радикальной Реформации. Философско-педагогическая система Курионе рассматривается на фоне крупнейших изменений, происходящих в западном мировоззрении XVI века.

Ключевые слова: Ренессанс, Реформация, гуманизм, христианская антропология, эразмианская традиция, призвание, ораторский энциклопедизм, учитель-грамматик.

M. A. Polyakova

HUMANISTIC AND REFORMATION FEATURES PEDAGOGICAL IDEAL CELIO SECONDO KOURION

The article is devoted to analysis of pedagogical views Italian thinker, Celio Secondo Kourion, combining the features of European humanism and radical reformation. Philosophical and pedagogical system Kourion is considered against the background of major changes in the Western worldview of the XVI century.

Key words: the Renaissance, the Reformation, humanism, Christian anthropology, Erasm's tradition, vocation, oratorical encyclopedic learner, teacher grammars.

Эпоха Ренессанса, начавшись в сугубо интеллектуальной филологической среде, постепенно охватила многие сферы общества стремлением к трансформации знания и мировоззрения. Гуманизм имел глубокие корни в Италии — прямой наследнице античности — и именно там начал свою разностороннюю ревизию, прежде всего, латыни, а затем — всей сложившейся системы знаний и средневековой методологии, идущих, как это ни парадоксально, все также от античности, в частности, от Аристотеля. В этой связи показательна оценка, которую дал эпохе Ренессанса Э. Гарэн: «...античность не была возрождена, а, наоборот, умерщвлена гуманистической филологией, в противовес средневековой, которое ее поддерживало и довело до “зрелости”. Именно в этом действительно состоял перелом» [9. Р. 100]. По мнению ученого, Ренессанс представлял собой агонию западного человечества при переходе к совершенно новой «картине мира» (*immagine del mondo*) и видению места человека в нем [9. Р. 85—86].

Пересмотр накопившегося философского опыта шел по многим линиям: от лингвистической риторики и натурфилософии до проектов религиозного и социального переустройства мира, выразившихся в концепции Мартина Лютера о «*Всеобщем священстве*» и фантастических моделях идеального государства Томаса Мора («*Утопия*») и Томмазо Кампанеллы («*Город Солнца*»). Обращение к социальным проблемам относится, правда, уже скорее ко времени позднего Возрождения. В XV веке Ренессанс

выходит за границы итальянских коммун и успешно распространяется на всей территории Священной Римской империи, прежде всего — в Германии, приобретая там специфические оттенки, выразившиеся в интересе к религиозно-этической и церковно-политической проблематике [1. С. 114]. Примерами жесткой критики существующих порядков явились острые злободневные произведения Себастьяна Бранта («*Корабль дураков*»), Ульриха фон Гуттена (один из авторов «*Писем темных людей*»), Эразма Роттердамского («*Похвала глупости*», «*Оружие христианского воина*», «*Разговоры запросто*» и др.).

Однако коренной перелом западного мировоззрения в сфере христианской антропологии и европейского индивидуализма произошел собственно в теологической среде, где, видимо, наиболее остро ощущались противоречия между зарождавшейся самоидентификацией человеческой личности (пусть даже в рамках религиозного самосознания) и несовершенством существующей в действительности церковно-экзегетической и социально-экономической практик. Речь идет о Реформации, начавшейся в 1517 году с выступления Мартина Лютера против индульгенций и в кратчайшие сроки распространившейся по всей Европе.

Возможно, закат итальянского первенства в области культуры и гуманизма обусловлен экономическими и политическими причинами — смещением торговых путей из Средиземноморья в Атлантику и по-

явлением великих монархий Франции и Англии [5. Р. 117]; однако, скорее всего, германские земли встали в центр идеологической и секуляризационной борьбы из-за целого ряда существенных факторов «внутреннего» характера, среди которых немаловажное место занимали и «растущая враждебность финансовой буржуазии», и «зарождающееся национальное чувство». Кроме того, существенную роль в процессе подготовки реформы сыграли «светские» интеллектуалы, выражавшие явное недовольство существующими экономическими порядками [5. Р. 118]. Сам Лютер ощутил на себе серьезное влияние гуманизма в лице, например, Иоганна Рейхлина, Эразма Роттердамского и Ульриха фон Гуттена, с которым он, как и его преданный соратник Филипп Меланхтон, даже находился в дружеских отношениях¹.

Процессы, происходившие в западном интеллектуальном обществе времен Ренессанса и Реформации, были настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены с исторической обстановкой и склонностью гуманистических и теологических эрудитов «улучшить мир», что, несмотря на стремления европейских наций к самоидентификации и самоопределению, в это время сохранилось присущее еще средневековью единство общего христианского духа и просветительства.

Поэтому гуманизм и религиозная ревизия XVI века прошли под знаком распространения воспитания и образования в качестве единственных гарантов успешного формирования личности как с точки зрения «*универсализма знаний*», так и с позиций «*истинного христианина*». Это был комплексный перелом, происходивший во всех направлениях социальной жизни, своего рода — педагогическая революция, которая, в отличие от предыдущего периода, стала сознательной и приобрела глобальный европейский характер [5. Р. 95–96].

В этой связи интересным примером синтеза итальянского гуманизма и реформаторских идей радикального толка является религиозно-философская и педагогическая система Челлио Секондо Курионе (1503–1569), итальянского гуманиста и протестанта, в силу религиозно-политических жизненных обстоятельств вынужденного развивать и оформлять свой теологический и педагогический гений в эмиграции — в швейцарском Базеле.

Несмотря на достаточную изученность жизненного пути и религиозных идей Курионе в западной литературе (Ф. Трехзель, К. Бенрат, Ж. Бонне, Ч. Канту, Ш. Шмидт, Д. Томмази, А. Летти и др.) [3. С. 115], его обстоятельные биографии, начиная с труда современника гуманиста И. Н. Ступаноса² и кончая

¹ Подробнее см.: Полякова, М. А. Гуманистические аспекты педагогических идей Мартина Лютера / М. А. Полякова // Историко-педагогическое знание в начале третьего тысячелетия: историко-педагогический компонент в педагогических исследованиях и педагогическом образовании: Материалы Второй национальной научной конференции 5–6 декабря 2006 года. — М.: АСОУ, Золотая буква, 2006. — С. 136–141.

² Stupanus, I. N. De Cueli Secundi Curionis vita arque obitu oratio [Текст] / I. N. Stupanus. — Basileae, 1570. — 27 p.

относительно современными работами Д. Кантимори³ и А. Бьонди⁴, а также диссертационным исследованием М. Куттера⁵, его собственно педагогические идеи, на наш взгляд, освещены все же не полностью. Несомненно, их так или иначе касались практически все указанные авторы; определенное внимание уделил им в своих статьях такой современный итальянский исследователь, как Лука д'Аша⁶; однако детального анализа педагогики Курионе пока не существует.

Что касается отечественной историографии, то можно утверждать, что имя Курионе упоминается только в статьях специалиста в области итальянского Возрождения Л. С. Чиколини⁷. Вместе с тем, педагогическая программа итальянского гуманиста и реформатора делает возможным рассмотрение воспитательных тенденций эпохи Ренессанса и Реформации в более широком спектре антропологических и нравственных проблем, нежели это представлено в традиционных исторических и педагогических трудах.

«Непопулярность» Курионе в отечественных педагогических исследова-

ниях может объясняться, в частности, отсутствием переводов его произведений на русский язык. Он писал в основном на латинском языке, считая его «языком науки» своей эпохи, а также языком, дававшим возможность многочисленным реформаторам-эмигрантам, нашедшим приют в нейтральной Швейцарии, общаться между собой. Ряд произведений реформатора написан на итальянском языке. В архивах Базельской библиотеки хранятся как работы самого Курионе, так и произведения, подготовленные им к изданию, снабженные его комментариями и предисловиями⁸. Благодаря современной технике, большинство этих работ оцифрованы и находятся в свободном онлайн-доступе. Трактаты и опусы итальянского гуманиста имеются также в Мюнхенской цифровой библиотеке⁹. Большинство сохранившихся текстов относится именно к XVI веку, что свидетельствует о необычайной популярности автора в период его непосредственной деятельности.

Челио Секондо Курионе, действительно, прожил бурную плодотворную жизнь, полную опасностей,

³ Cantimori, D. Eretici italiani del Cinquecento: Ricerche storiche [Текст] / D. Cantimori. – Firenze, 1939. – 337 p.

⁴ Kutter, M. Celio Secondo Curione. Sein Leben und sein Werk (1503-1569) [Текст] / M. Kutter. – Basel-Stuttgart, 1955. – 304 S.

⁵ Biondi, A. Curione, Celio Secondo [Электронный ресурс] / A. Biondi // Dizionario Biografico degli Italiani – Volume 31 (1985) // www.treccani.it

⁶ D'Ascia, L. Frontiere: Erasmo da Rotterdam, Celio Secondo Curione, Giordano Bruno [Текст] / L. D'Ascia – Bologna: Edizioni Pendragon, 2003. – 176 p.

⁷ Чиколини, Л. С. Гуманистические и реформационные идеи Челио Секондо Курионе / Л. С. Чиколини // Культура эпохи Возрождения – Л.: «Наука» – 1986, С. 112–127.; Чиколини, Л. С. Библиотека ученого-грамматика по Курионе / Л.С. Чиколини // Средние века. Вып. 52 – М.: Наука, 1989. – С. 219–232.

⁸ Universitätsbibliothek Basel // www.e-rara.ch

⁹ Münchener Digitalisierungs Zentrum Digitale Bibliothek // www.digitale-sammlungen.de

связанных с политическими и религиозными преследованиями, филологических и теологических поисков и сомнений, семейных радостей и печалей (все, кроме одного, дети гуманиста умерли раньше его и своей матери, добившись, правда, значительных успехов при жизни). Только последние двадцать три года своей жизни (1546—1569) он провел относительно спокойно в Базеле, работая преподавателем в местном университете и осуществляя широкую издательскую и переводческую деятельность [4]. Его перу принадлежит ряд работ религиозного толка, воспитательного характера, трактаты по проблемам этики, морали, латинской риторики и грамматики [3. С. 114], а также произведения эпистолярного жанра, в том числе письмо, написанное им Фульвио Пеллегрини Морато Мантуанскому «О целомудренном и христианском воспитании детей»¹⁰. Писал он и агрессивные сатирические произведения (пасквили), по силе гротеска и сарказма сопоставимые с эпиграммами Эразма и Ульриха фон Гуттена [4].

Курионе происходил из знатной семьи, его отец принадлежал к пьемонтской знати, мать была придворной дамой Бьянки Савойской (Бьянки Марии Сфорца). Будучи двадцать третьим и последним ребенком в семье, он, тем не менее, получил хорошее образование, освоив курсы *humanae litterae* и права в Туринском университете, и уже там через посредство местных августинцев познакомился с

реформаторскими идеями Цвингли, Лютера и Меланхтона, попал под их влияние и в какой-то мере их воспринял.

Дальнейшая судьба Курионе — череда нескончаемых преследований и гонений со стороны епископа Ивреи (Туринская провинция) Бонифация Феррери. Сначала он укрылся в Казале-Монферрато (Пьемонт) у маркиза Джан Джорджо Палеолога, а после смерти последнего в 1533 г. продолжил свои скитания, проживая сначала в Павии, затем в Венеции, Ферраре и Лукке. Во всех местах своего пребывания Курионе занимался преподаванием: в университете (например, Павия, 1536—1539); вел частные уроки, занимаясь обучением детей знатных особ, что дало ему большой опыт в воспитании, а также позволило ему войти в круг влиятельных знатных особ — итальянцев и немцев. Именно во время его пребывания в Лукке (1542) там активизировалось реформаторское движение. Несмотря на то что прямых указаний на причастность к нему Курионе нет, далеко не все его биографы поддерживают идею «невиновности» гуманиста [4]. Во всяком случае, именно к этому времени относится жалоба кардинала Бартоломео Гвидичони властям Лукки на «Челио из Турина», который «...прикрываясь ремеслом школьного учителя, открыто пропагандирует лютеранские идеи» [4].

В действительности, Курионе тогда был уже на пути в Швейцарию.

¹⁰ Una lettera di M. Celio Secondo C. Della Honesta e Christiana creanza de figlioli, a M. Fulvio Pellegrino Morato, Mantoano (название дано в оригинальной графике автора).

Будучи вынужденным немного задержаться в Италии, чтобы взять с собой жену и детей, он чуть было не попал в руки Инквизиции. Описание этого события, представленное в «*Истории пап*» Леопольда фон Ранке (1959), дает яркое представление о личности гуманиста: «Курионе был высоким и сильным. С помощью кинжала, который он всегда носил с собой, он освободился от головорезов, вскочил на лошадь и исчез (бежал). Он поехал в Швейцарию» [Цит. по: 4]. Больше в Италию гуманист не возвращался, он работал в Лозанне (1542–1546) и в Базеле (с 1546 г. до самой смерти). В Лозанне распорядок дня его был следующим: с утра (с 9 часов) до обеда (12 часов) он преподавал дома детям, которые проживали у него на пансионе, а после обеда читал публичные лекции [3. С. 222]. Систему обучения на дому он называл *diodena* (видимо, учеников было двенадцать) и описал ее в своем педагогическом произведении «*Школа или три книги о совершенном грамматике*»¹¹ [4].

Там же он изучал, в частности, теологию и Священное Писание в связи с тем, что должен был преподавать его. К этому же времени относится и возникновение разногласий Курионе с Жаном Кальвином и женеvскими реформаторами по доктринальным вопросам трактовки идеи предопределения и человеческого греха. Не вдаваясь в подробности его религиозной концепции, отметим, что в отличие от многих своих современников-рефор-

маторов, он особое значение придавал идее свободы человека и его праву на поиск истины [3. С. 117]. В этом смысле он, несомненно, принадлежит *эразмианской* традиции миротворческого характера Церкvi [8. Р. 145], хотя, по сути, его доктрина достаточно сложна и противоречива, чтобы ее можно было охарактеризовать как чисто «гуманистическую» в духе Эразма или же как «реформаторскую» в духе Лютера, Цвингли или Кальвина.

Наиболее эксплицитно «*дуализм*» Курионе прослеживается именно в его педагогических взглядах. С одной стороны, при трактовке теологической дискуссии он явно следует в своей риторической терминологии эразмианской методологически-гуманистической традиции, чем, по существу, провозглашает свойственный европейскому гуманизму «ораторский энциклопедизм», в том числе, и в программе обучения [8. Р. 146]. Также традиционно к риторике он присоединяет грамматику, которая, однако, при отстаивании права интерпретации любого текста, жестко подчиняет гуманистический энциклопедизм критериям религиозной и социальной полезности. Здесь уже отчетливо прослеживается мотив «призвания» (немецкого *Beruf*), в том числе — призвания учить и воспитывать [8. Р. 147], полностью принадлежащий реформатско-протестантскому мировоззренческому полю. Видимо, именно поэтому, с точки зрения Курионе, школьный учитель трактует Библию как предмет обучения и как

¹¹ *Caelij Secundi Cvrionis schola, siue de perfecto Grammatico, libri tres* (название дано в оригинальной графике автора).

можно яснее, а не как «чудо, скрытое от язычников» [8. Р. 147]. В его понимании, гуманист — это, прежде всего, религиозный воспитатель.

Анализ конкретных произведений Курионе позволяет более отчетливо показать противоречивость его системы воспитания с точки зрения гуманистических и реформаторских тенденций.

К собственно педагогическим сочинениям Курионе можно отнести катехизис «*Наставление в христианской вере*»¹² (1549), где отражены его взгляды на веру и просвещение в вере детей, и трактат «*Школа или три книги о совершенном Грамматике*» (1555), представляющий собой попытку дать теоретическое обоснование гуманистической системы образования и воспитания [3. С. 123]. Однако в итальянской традиции «*Наставление*» не относят в полном объеме к источникам педагогических взглядов Курионе, а скорее, рассматривают в ряду его религиозно-доктринальных работ [4]. Так, Д'Аша считает основным педагогическим произведением гуманиста письмо Пеллегрини Морато [8. Р. 149].

«*Наставление*» представляет собой достаточно сложный по структуре труд, что подтверждается самим автором: «...[наставление] более полное и ясное, чем латинское, с некоторыми другими благочестивыми вещами...» [7. Titolo]. Кроме собственно наставления (катехизиса), в книге содержится письмо-обращение к дочерям;

некоторые молитвы, которые следует произносить по разным случаям; еще одно письмо, где разъясняется, почему праведники в этой жизни страдают, а негодяи живут сладко и несколько религиозных стихов, сочиненных самим Курионе [7. Contegno].

Также в книгу включено уже упомянутое письмо Пеллегрини Морато, которое, однако, было написано раньше (в 1542); более того, к моменту опубликования произведения (1549) адресат был уже мертв, о чем упоминает сам автор [7. г 3]. По всей видимости, письмо это попало в издание именно по той причине, что оно содержит наиболее подробные рекомендации по воспитанию детей (о чем говорит, собственно, его название). Тем самым, Курионе, активно занимавшийся также издательской деятельностью, хотел, на наш взгляд, создать произведение, по своей сути универсальное — кроме собственно разъяснения основ христианской веры (в «*Наставлении*»), здесь содержатся и духовные упражнения (в форме молитв и стихов), и разъяснение принципов воспитания, сделанное им, с одной стороны, в дружеской, с другой — в назидательной форме (письмо Пеллегрини Морато). Т. е., это своего рода методическое пособие по воспитанию и религиозному образованию детей, а также слуг, о чем автор упоминает в тексте «*Наставления*». По этой причине написано все произведение на итальянском языке, а не на латыни [7. г 4].

¹² *Vna familiare et paterna institvione della Christiana religione* (название дано в оригинальной графике автора).

Необходимость использования итальянского языка Курионе разъясняет также и в своем письме дочерям. Он пишет им, что был вынужден покинуть Италию вместе с их матерью и тремя их маленькими братьями и что в изгнании обычно они использовали для общения латинский язык [7. а 2], на котором он и составил для сыновей более краткий вариант «Наставления» [7. а 3]. Дочери же оставались в Италии на попечении добрых друзей и, следовательно, говорили и читали по-итальянски. Курионе считает себя, а в своем лице любого отца, должником перед детьми как по велению Бога, так и по естественному закону. Долг этот состоит в обязанности отца обучать и воспитывать детей и именно это целеполагание является основной посылкой для написания «Наставления» [7. а 2]. Однако в сочинении явно прослеживается и выраженный социально-значимый аспект, который допустимо рассматривать как возможность изложения гуманистом своей программы религиозного воспитания, обращенной, в том числе к его соотечественникам — итальянцам [3. С. 121].

«Наставление» написано в форме диалога между отцом и дочерью (в латинском варианте с сыном); отец задает вопросы о религии и вере, дочь отвечает ему, и, таким образом вырисовывается религиозно-нравственная концепция самого Курионе. При внимательном чтении текста бросается в глаза аккуратность, грамотность и связность речи ребенка. Несомненно, это намеренный литературный прием, поскольку устами девочки говорит сам

гуманист, человек высокообразованный, профессор риторики.

Разговор отца с детьми выстраивается по традиционной схеме катехизиса: сначала рассуждения касаются десяти заповедей; затем фигуры Иисуса Христа, его жертвенности, смерти и воскрешения; потом отец разъясняет детям вопросы веры и дает комментарий к «Отче наш», за которым следует текст самой молитвы. Завершается «Наставление» рядом молитв, произносимых по разным случаям. Особенный интерес в этой связи представляют две молитвы, первая из которых читается перед началом занятий, а вторая — по их завершении. Здесь Христос объявляется вместилищем всех сокровищ богословия и знаний вообще, и молящийся благодарит его за возможность обучаться, становится умнее и прилежнее [7. f 4, f 5]. Эти молитвы показывают, насколько большое значение придавал Курионе обучению; тем более, следует понимать, что они не случайно вошли в его перечень молитв для детей, так как именно в детском возрасте следует получать знания.

Анализ «Наставления» не позволяет выявить в нем какие-либо глубокие дидактические послы. Однако сам факт существования этого документа, форма его изложения, четкая выверенная структура, использование ярких образных примеров и красочных речевых оборотов дает возможность судить о явном педагогическом и литературном таланте автора, демонстрируя его убеждение в необходимости подобного пособия для обучения основам веры детей, живущих

в окружении католиков. Кроме того, в письме дочерям Курионе упоминает, что текст произведения им следует сначала прилежно прочесть, затем выучить наизусть и постараться сделать так, чтобы в дальнейшем везде и всегда Бог был всегда с ними — супругом и господином их сердец, здоровья и источником добрых дел [7. а 4]. По сути дела, речь здесь идет уже о мотивации обучения и его методике. «Наставление» отражает способность и стремление реформаторов, в том числе реформаторов итальянского происхождения, распространить свое вероучение, обеспечивая его будущее путем образования младшего поколения.

Однако, как отмечалось, более подробно педагогические взгляды Курионе изложены в его письме Пеллегрини Морато, известному итальянскому гуманисту, незадолго до этого ставшему отцом. Письмо обнаруживает не только педагогический талант Курионе, но и содержит своего рода его программу обучения, в целом достаточно традиционную для той эпохи [3. С. 122]. Опираясь на мнение античных философов, автор призывает матерей самих кормить детей грудью с целью усвоения ими более правильного языка, которого, конечно, не услышав от кормилиц [7. г 5].

Около пяти-шести лет детей, по примеру наследников престола, следует передавать на попечение учителя-педагога, который должен заботиться о теле и душе воспитанника. Учителю предъявляются высокие требования в знаниях и умении обращаться с ребенком, в нежности, понимании и

знании религиозных норм, которым он должен учить подопечного [7. г 5]. Здесь же Курионе подчеркивает, что отец семейства и мать также должны обучать детей и слуг основам религии, если могут это делать. В рекомендациях отцам по обучению детей, в частности, гуманист упоминает молитвы, которые те должны произносить — их перечень приводится ранее в тексте «Наставления» [7. f 2-5, г 1-2]. Традиционен также список рекомендуемых книг Ветхого Завета; Новый Завет автор советует читать и учить полностью [7. h 2].

Кроме того, Курионе дает своего рода уроки воспитания родителям. Так, например, он настоятельно рекомендует им не спать в одной комнате с детьми шести лет и старше, не браниться при детях, скромно одеваться, кормить их полезной и здоровой пищей и т. д. [7. h 2]. Он полагает, что родители являются для детей примером и не должны «ломать» привычки детей, а лишь направлять их в нужное русло. Честь мужа состоит не в том, что он имеет детей, а в том, как он их воспитал [7. h 4]. И за пренебрежение этим призванием (отца) следует божья кара. Все эти замечания в целом соответствуют гуманистическим программам образования, из чего следует, что Курионе придерживался эразмианской традиции мягкого воспитания и заботы о детях. Однако многие принципиальные моменты педагогики Эразма (такие, как последовательность и сила обучения, дидактическое значение наглядных образов, важность игры) отходят у итальянского гуманиста на второй план [8. Р. 149],

уступая место религиозной целесообразности и императивному характеру процесса образования.

В частности, к игре Курионе вообще относится отрицательно и странно рассуждает о бесполезности игры в карты, кости и даже шахматы, считая это праздным занятием. «Мы родились не для того, чтобы играть и шутить, а для вещей более полезных и значительных...» — замечает он [7. h 5]. Гораздо важнее, с его точки зрения, с детства обучать детей различным искусствам (ремеслам) [7. h 5], так что можно утверждать, что Курионе был в числе первых, кто поставил вопрос о необходимости трудового воспитания, а также о новой религиозной этике труда [8. Р. 150], столь популярной у реформаторов кальвинистского толка. Итальянский гуманист подчеркивает значимость и важность любого вида деятельности, в том числе — физической (*arti mecaniche*), подвергая критике даже Цицерона, называвшего физический труд малопочетным. Он призывает родителей не упускать время для трудового воспитания, иначе их дети погружены в игры и праздниках и привыкнут к лени и праздности. «Имущество можно потерять разными способами, но ремесло — это истинное обладание, которое, куда бы ты ни пошел, сможешь унести с собой, без какой-либо тяжести» [7. i], — мудро и назидательно замечает Курионе. В пример он приводит также обучение столярному ремеслу Христа его земным отцом Иосифом [7. i].

В этой связи Д'Аша подчеркивает, что подобная модель профессионального воспитания не имеет никаких аналогов в педагогической концепции Эразма, которого Курионе в то же время считал образцом для подражания в вопросах образования [8. Р. 150]. Разнятся взгляды гуманистов и в вопросах женского воспитания. Несмотря на прогрессивность многих своих убеждений и богатую практику обучения именно девочек (к примеру, собственных дочерей и многих дочерей знатных особ, в том числе Олимпии Мораты, дочери адресата), Курионе выступает против посещения ими школ и университетов, что в целом характерно для гуманистов и соответствует их представлениям о женской чести [3. С. 122], поскольку все науки можно и нужно изучать дома [7. i 2]. Однако Эразм был другого мнения и выступал за равенство мужчин и женщин в вопросах образования¹³.

«Женская тема» непосредственно связана с представлениями гуманиста о браке, о котором Курионе пишет в последней части письма. Рекомендуемый им брачный возраст для девушек — пятнадцать лет и двадцать шесть лет — для юношей. Не касаясь подробно его мыслей по этому поводу, хочется отметить высокую оценку, данную им браку и семейным отношениям: «...с одной стороны, [брак] — это достоинство и уподобление родственников, их добрых традиций, набожности, различных ремесел и мужества, с другой — здоровье ума и тела обоих [супругов]: эти

¹³ Подробнее см.: Полякова, М. А. Педагогический идеал Эразма Роттердамского / М. А. Полякова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2013. — № 4. — С. 189–198.

вещи нужно предпочитать богатству и красоте тела... » [7. к 2]. Подобное видение брачных отношений, на наш взгляд, соответствует пониманию проблемы как в гуманистической, так и в протестантской традициях — в этом вопросе они были солидарны.

Нелишне заметить, что письмо Пеллегрино Морато дает достаточно четкое представление о педагогических воззрениях Курионе. Они в целом соответствуют гуманистической традиции, но в то же время несут на себе сильную печать реформаторского убеждения. Это соединение двух мировоззрений, сходных в своем целеполагании (формирование человека, достойного члена христианского общества) и различных по многим частным показателям, весьма примечательно, тем более в устах представителя старой католической традиции, бежавшего от нее, но все же в каких то моментах ее сохранившего.

Другое педагогическое произведение Курионе «*Школа*», несмотря на то что было опубликовано позже (1555), написано еще в Павии (1536—1539) [4] и обнаруживает более сильные гуманистические черты. Языком сочинения является латынь. Это позволяет заключить, что в нем автор предложил «ученому сообществу» своей эпохи программу широкого гуманистического воспитания в отличие от прикладного характера «*Наставления*», адресованного отцам семейства, детям и слугам. В «*Школе*» развиваются идеи целесообразности дошкольного образования (до 7 лет), осуждается телесное наказание [8. Р. 149], предъявляются серьезные требова-

ния учителю-грамматику, которому собственно и посвящен трактат. Примечательно, что в лице мудрого, доброго и справедливого филолога, учителя грамматики Курионе видел деятеля, способного изменить, улучшить общество. В этом отношении его воззрения отличны от традиционных представлений гуманистов, возлагавших, как известно, данную миссию на правителей (Эразм) или придворных (Кастильоне) [3. С. 123].

По Курионе, грамматик представляет собой идеал всесторонне развитой личности: от природы он должен обладать добротой, красотой, приятностью голоса и спокойствием взора; по жизни он должен быть мудрым, опытным, умеренным, способным подавлять свои страсти и трудолюбивым [3. С. 124]. Познания его энциклопедические: кроме «*семи свободных искусств*», он должен знать этику, экономику, политику, военное искусство, историю и классические языки — одним словом, обладать всеми известными в то время знаниями [3. С. 124]. В отличие от идеала «*кабинетной учености*» большинства гуманистов, Курионе требует, чтобы его грамматик не просто обладал этими широкими знаниями, но нес их другим — обучал и просвещал, в чем и состоит смысл его труда, его призвание [8. Р. 147]. Гуманист хотел видеть в учителе «...образец всесторонне и гармонически развитой личности, выдающийся талант и познания которой обращены на пользу людям» [2. С. 220].

Педагогический и просветительский идеал Курионе отражен также

в так называемой библиотеке учителя-грамматика, которая описана им в конце первой книги *«Школы»* [6. Р. 64–82]. Эта библиотека насчитывает около 300 книг и, видимо, соответствует канонам библиотеки образованного человека XVI века. В ней автор распределяет все книги по четырем разделам и снабжает свою классификацию четкими описаниями и комментариями¹⁴. Не вдаваясь в подробности, необходимо все же отметить некоторые важные моменты организации этой библиотеки. Во-первых, в разделе богословов в ней отсутствуют современники Курионе «дабы избежать ненависти злосчастного века» [2. С. 227]. Среди реформаторов упоминается лишь Филипп Меланхтон, но только как филолог, автор грамматик латинского языка. Во-вторых, среди политических произведений отсутствуют труды Николло Макиавелли, весьма в то время популярного [2. С. 227]. В-третьих, в числе поэтов нет произведений Франческо Петрарки и других гуманистов, также достаточно популярных во времена Курионе [2. С. 229]. Последнее, возможно, объясняется именно реформаторской составляющей его мировоззрения, которой «претила» гедоническая поэзия. Кстати, совершенно однозначно Курионе высказывается по этому поводу в небольшом предисловии к своим стихам в *«Наставлении»*: стихи должны нести в себе восхваление Господа, духовное начало и т. д. [7. m].

По мнению Л. С. Чиколони, библиотека Курионе отражает во многом двойственность воззрений гуманиста и сторонника радикальной реформы церкви [2. С. 232]. Однако при этом нельзя забывать, что предложенные Курионе книги были предназначены именно для учителя как организатора процесса обучения, чем, возможно, и обусловлена известная осторожность в их подборе.

* * *

Из описанных в настоящем очерке воззрений Курионе по проблемам воспитания следует, что его педагогика, без сомнения, менее снисходительна, нежели у Эразма, но в то же время и более реалистична и практична. В ней отсутствуют блеск и оригинальность *«великого батава»*, но, благодаря своей схематичности и частому использованию автором разговорного языка (итальянского), эта педагогика была способна обратиться к широким слоям населения [8. Р. 150]. Видимо, именно поэтому Д'Аша утверждает, что фактически все произведения итальянского гуманиста и реформатора имеют явно прикладной характер: это учебники и пособия, представляющие собой смесь гуманистических и религиозных воззрений и предназначенные для использования в качестве инструментов воспитания и самовоспитания, а также для формирования уверенности в себе и в своей вере [8. Р. 151]. По его мнению, практическая установка теологии и педагогики

¹⁴ Подробно о библиотеке грамматика см.: Чиколони, Л. С. Библиотека ученого-грамматика по Курионе.

Курионе направлена в будущее и является предвестницей педагогических воззрений эпохи Просвещения [8. Р. 170].

Несомненно, педагогическое наследие Челио Секондо Курионе во всей своей неоднозначности, проти-

воречивости и многогранности, требует тщательного анализа, серьезного осмысления и адекватного освещения, так как представляет определенный пласт западного самосознания и научного знания эпохи Позднего Ренессанса и Реформации.

Список литературы

1. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения: учебник / под ред. Л. М. Брагиной. — М. : Высшая школа, 1999. — 479 с.

2. Чиколлини, Л. С. Библиотека учебного-грамматика по Курионе / Л. С. Чиколлини // Средние века. Вып. 52. — М. : Наука, 1989. — С. 219—232.

3. Чиколлини, Л. С. Гуманистические и реформационные идеи Челио Секондо Курионе / Л. С. Чиколлини // Культура эпохи Возрождения — Л. : «Наука», 1986. — С. 112—127.

4. Biondi, A. Curione, Celio Secondo [Электронный ресурс] / A. Biondi // Dizionario Biografico degli Italiani — Volume 31 (1985) — Режим доступа: [www. Treccani.it](http://www.Treccani.it). — Дата обращения: 10.05.2014.

5. Cambi, F. Manuale di storia della pedagogia / F. Cambi. — Roma-Bari: Editori Laterza, 2009. — 392 p.

6. Curione, C.S. Caelij Secundi Cvrionis schola, siue de perfecto Grammatico, libri tres / C.S. Curione. — Basilea, 1555 — 300 p.

7. Curione, C.S. Vna familiare et paterna institvtione della Christiana religione [Текст] / C.S. Curione. — Basilea, 1549. — 208 p.

8. D'Ascia, L. Frontiere: Erasmo da Rotterdam, Celio Secondo Curione, Giordano Bruno / L. D'Ascia. — Bologna: Edizioni Pendragon, 2003. — 176 p.

9. Garin, E. Medioevo e Rinascimento / E. Garin — Roma-Bari: Editori Laterza, 2007. — 344 p.